

ОТ «ИМПЕРИИ РЮРИКОВИЧЕЙ» К «РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ МОНАРХИИ»: РЯД ЯРОСЛАВА I В КОНТЕКСТЕ ФЕОДАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

© 2020 г. Д.А. Боровков

Канд. ист. наук

brancalone85@mail.ru

В статье рассматриваются характеристики завещания Ярослава I в работах Б. Грекова, С. Юшкова, Б. Рыбакова, Л. Черепнина и других советских исследователей 1930–1980-х годов, демонстрируется, что его интерпретация изменялась в процессе развития феодальной парадигмы древнерусской государственности, одним из показателей которой стала замена предложенного К. Марксом термина «империя Рюриковичей» понятием «раннефеодальная монархия».

The article discusses the characteristics of the testament of Yaroslav I in the works of Boris Grekov, Seraphim Yushkov, Boris Rybakov, Lev Cherepnin and other Soviet historians of the 1930s–1980s. It demonstrates that interpretations of the testament not once changed in parallel with the development of the feudal paradigm of ancient Russian statehood. One of its landmarks was the replacement of the term «the Empire of the Ruriks» proposed by Karl Marx with the concept of the «early feudal monarchy».

Ключевые слова: Ярослав I, империя Рюриковичей, раннефеодальная монархия, советская историография.

Keywords: Yaroslav I, Empire of the Ruriks, early feudal monarchy, Soviet historiography.

DOI: 10.31857/S0869544X0008674-4

Среди концептуальных новаций отечественной историографии в советский период следует обратить внимание на гипотезу о «готической империи Рюриковичей» или «лоскутной империи», как ее по аналогии с австрийской монархией Габсбургов охарактеризовал К. Маркс в работе «Секретная дипломатическая история XVIII века» (1856–1857), уподоблявший Древнюю Русь созданным в результате нашествий варваров германским государствам и империи Карла Великого. Под влиянием норманской теории происхождения русской государственности, он отметил, что специфической чертой «империи Рюриковичей», сложившейся в результате варяжской экспансии, стал «вассалитет без ленов или с ленами, существовавшими только в форме сбора дани», а с окончанием завоевательной политики варягов при Ярославе I и раздроблением

империи на уделы, начался кризис «Готической России», сопровождавшийся феодальными войнами между князьями [1. С. 4–5]. Эти высказывания послужили основой формирования исследовательских концепций после того как во второй половине 1930-х годов абстрактные социально-экономические исследования М.Н. Покровского и его школы сменили конкретно-исторические исследования социально-экономического базиса и политической надстройки Древнерусской государственности.

Процесс утверждения феодальной парадигмы развития Киевской Руси в результате дискуссий конца 1920 — начала 1950-х годов детально освещен в историографии [2. С. 230–271; 3. С. 188–232, 245–249; 4. С. 599–629], в то время как трансформация характеристик «ряда» Ярослава I в «Повести временных лет» под 1054 г. получила лишь фрагментарное освещение [5. С. 434–437; 6. С. 182–190; 7. С. 404–406]. Я сосредоточу внимание, с одной стороны, на историографических оценках «ряда» Ярослава, а с другой — на сопутствующих им характеристиках древнерусской государственности.

Б.Д. Греков в монографии «Феодальные отношения в Киевском государстве» (1-е изд. 1935, 2-е изд. 1936–1937) пересмотрел точку зрения К. Маркса на решающую роль варягов в формировании древнерусского государства, но согласился с приведенной им параллелью между империей Карла Великого и «империей Рюриковичей» (которую также характеризовал как «Киевскую Русь»). «Сколачивание» этого «аляповатого по форме и огромного по территории» государства исследователь соотнес с объединением Киева и Новгорода под властью князя Олега в 882 г., подобно Марксу, приурочив его распад к началу эпохи уделов после смерти Ярослава I, когда с усилением феодалов на местах вследствие экспроприации общинных земель усилилось влияние центробежных тенденций.

Процесс образования уделов и создания политических предпосылок феодальной раздробленности локализовался исследователем в промежутке от смерти в 1054 г. Ярослава, после которой, «ни один из его сыновей не стал для своих братьев в отца место», так как Изяслав, Святослав и Всеволод «не захотели рисковать во взаимной борьбе и заключили между собой “триумvirат”, который правда скоро распался», до Любечского съезда 1097 г., на котором «феодальные владетели», договорившись о разделе «отчин», безуспешно попытались положить конец междукняжеским войнам «путем создания далекого прообраза Лиги Наций», после чего, по заключению Б.Д. Грекова, «можно говорить с достаточными фактами в руках о наличии уделов и, стало быть, о феодальной раздробленности». Историк конкретизировал абстрактные высказывания К. Маркса, подкрепив их ссылками на факты и попытавшись установить периодизацию политических и социально-экономических процессов, разделенную на период «вызревания феодальных отношений» и «подготовки сил, способных разложить “империю” на уделы», и период феодальной раздробленности или «наибольшего для данного момента могущества отдельных феодалов, освоивших общинную землю и таким путем успевших поставить в зависимость от себя огромное число подданных». Наряду с модернизацией событий, выразившейся в аналогии между Любечским съездом и Лигой Наций, следует отметить тенденцию к синтезу марксистской терминологии с терминами дореволюционной историографии, показателем чего является характеристика Б.Д. Грековым отношений между старшими сыновьями Ярослава I как «триумvirата Ярославичей».

Это же определение использовано и при интерпретации последней воли Ярослава: «У Ярослава было пять сыновей. Умирая, он мечтал, что дети его будут подчиняться старшему брату Изяславу, которому Ярослав поручил

самые главные части земли, Киев и Новгород. Но надежды Ярослава не сбылись. Следующие по старшинству братья Изяслава оказались во главе достаточно сильных княжений, чтобы не считаться с старшим своим братом. Святослав владел Черниговом и несколькими княжествами, охватывавшими в общей сложности громадное пространство от Чернигова до Рязани и Муром, включая землю вятичей. Ему же досталась и далекая Тмутаракань. Всеволод получил самую южную землю Переяславскую, земли по Волге, а также Ростов, Суздаль и Белоозеро. Остальные два брата получили сравнительно небольшие владения и, естественно, со старшими братьями конкурировать не могли. Эти три старшие брата заключают между собой союз, образуют «триумvirат» и, таким образом, стараются поддерживать мир и единство огромной территории Восточной Европы» [8. С. 14–23, 171, 180].

Представление о «триумvirате» старших князей настолько захватило внимание Б.Д. Грекова, что он не упомянул ни имен младших Ярославичей, ни отданных им княжений. Его интерпретация раздела 1054 г. оставалась неизменной, как и характеристика «триумvirата» (ср. [9. С. 261; 10. С. 489–491]), несмотря на критику этого термина М.Н. Тихомировым, отмечавшим, что у Ярославичей больше общих черт с сыновьями Людовика Благочестивого из династии Каролингов, чем с «триумvирами» Древнего Рима [11. С. 150]. Зато от термина «империя Рюриковичей», которое Греков использовал в первом издании монографии «Киевская Русь» (1939) [9. С. 254], он в первой половине 1940-х годов отказался в пользу термина «Киевское государство», хотя на протяжении некоторого времени продолжал подчеркивать его параллель с империей Карла Великого [12. С. 281]. Еще позже он отверг и эту параллель, написав о расчленении «Древнерусского государства» на ряд отдельных княжений, как о «повторяющемся явлении расчленения раннефеодальных государств» [10. С. 481].

С.В. Бахрушин, один из критиков концепции Грекова в 1930-е годы, синтезировал гипотезу К. Маркса об «империи Рюриковичей» с представлением о переходном (дофеодальном) периоде между рабовладельческим и феодальным строем, сформулированным в 1934 г. И.В. Сталиным, А.А. Ждановым и С.М. Кировым в «Замечаниях на конспект учебника по истории СССР» [13. С. 44]. В 1938 г. он предложил собственный аналог определению Маркса — «держава Рюриковичей», — считая, что она достигла кульминационного пункта развития в княжение Владимира I, названное периодом «медленной и постепенной» феодализации государственной власти, вследствие которой после смерти Ярослава I наступил «феодальный период, характеризующийся политическим раздроблением страны» [14. С. 96–97].

Более содержательны в этом отношении «Очерки по истории феодализма в Киевской Руси» (1939) С.В. Юшкова, который приурочил существование «лоскутной империи Рюриковичей» к дофеодальному периоду, характеризовавшемуся распространением «вассалитета без ленных отношений или ленами, составлявшимися из даней», и предшествовавшему установлению «монополии» Рюриковичей на власть в процессе окняжения племенных земель со времени Святослава I, в результате чего представители рода Рюрика получали из рук великих князей не дани, а земли [15. С. 26–29]. Юшков рассматривал правление Владимира I и Ярослава I как промежуточный этап в процессе становления вассалитета-сюзеренитета, распространенного и на членов правящей династии, между которыми сложилась «система семейных по форме, вассальных по существу территориальных отношений» [15. С. 175]. Исследователь отметил, что Владимир и Ярослав добились единовластия путем насильственного устранения братьев,

но для сыновей Ярослава этот путь был неприменим, поскольку, каждый из них успел пустить крепкие корни в своих княжениях и «прочно связаться с феодальной верхушкой», поэтому, «выход был найден в том, что сюзеренитет был усвоен старшим из Ярославичей — Изяславом» [15. С. 176].

На первый взгляд, можно подумать, что Юшков счел распоряжение Ярослава политической новацией, но, приведя текст статьи 1054 г. по Лаврентьевской летописи, он написал следующее: «Ряд Ярослава не вносит никаких новых принципов в порядок преемства княжеской власти. Подобный ряд мог сделать Святослав; он также мог в своем завещании после всяких, более или менее красноречивых lamentаций, завещать киевский стол Ярополку, древлянскую землю Олегу, а Новгород Владимиру. Такой же ряд мог сделать и князь Владимир и, вероятно, сделал бы, если бы он не начал войны с Ярославом и если бы его не постигла неожиданная смерть. Дело, следовательно, было не в ряде. Если бы дан был ряд Святославом и Владимиром, то он все равно не был бы выполнен. Не ряд, а социально-политическая обстановка была такова, что князь Изяслав не истребил своих братьев подобно своему отцу и деду». С точки зрения Юшкова, интерпретировавшего летописный рассказ в контексте феодальной парадигмы, ряд Ярослава интересен тем, что он «регламентирует сюзеренитет старшего брата над младшими, которые сейчас становятся на положение вассалов». Таким образом, начинается «следующий период в истории взаимоотношений между великим князем и местными князьями», когда «территориальная структура Киевского государства сделалась типичной для ранней феодальной монархии» и установился «сюзеренитет киевского князя, который не прикрывается властью отца», а напротив, «утрачивает те права, которые принадлежали сюзерену-отцу», превращаясь в первого среди равных, регулирующего права и обязанности князей-вассалов посредством феодальных договоров, которые вошли в политическую практику после смерти Ярослава I сначала в устной, а затем и в письменной форме [15. С. 176–177].

С одной стороны, С.В. Юшков близок к тем дореволюционным исследователям, которые рассматривали ряд Ярослава как ординарный политический и правовой акт. С другой стороны, он пытался дистанцироваться от дореволюционной историографии, как не понимавшей социально-политической обстановки и приписывавшей ряду «поистине магическое значение». Ученый воспользовался возможностями марксистской феодальной парадигмы, позволившими объективизировать значение ряда Ярослава и раскрыть в категориях сюзеренитета-вассалитета «родовые» понятия летописей — в том числе понятие «старейшинства», отождествленного с феодальным сюзеренитетом или сеньоратом, выразившегося во владении киевским столом [15. С. 178–179].

Юшков отошел от идей дореволюционной историографии в большей степени, чем Греков, упорно державшийся за введенный А.Е. Пресняковым термин «триумвират Ярославичей», хотя и не избегал некоторых ее достижений, — например, когда пытался обосновать гипотезу о введении в политическую практику договорных отношений между князьями после смерти Ярослава, воспользовавшись наблюдением В.И. Сергеевича об отсутствии договорных отношений между родственниками по нисходящей линии.

Разработку концепции социально-политического строя Киевской Руси в сравнительно-типологическом ключе С.В. Юшков продолжил в 1940-е годы в статье о дофеодальных «варварских» государствах с экономической многоукладностью, к которым отнес англо-саксонские королевства до IX в., Киевское государство IX–X вв. и монгольские государства до их объединения в начале

XIII в. [16]. В работе «Общественно-политический строй и право Киевского государства» (1949) он выступил с критикой работ С.В. Бахрушина и Б.Д. Грекова, считавших ключевым моментом образования феодального государства наступление феодальной раздробленности после раздела Ярослава, и высказался за многофакторность этого процесса, сконцентрировав внимание на окняжении земель в конце X в., которое включало не только введение «единого административного и правового режима на всей территории Русского государства, но и экспроприацию всей этой территории, всей земли, в пользу князя Владимира», что сделало ее всю «княжеским доменом». На основании анализа военной, административной и судебной функций правителей Руси в конце X — первой половине XI в. исследователь пришел к выводу о том, что «княжеская власть при Владимире и Ярославе стала качественно отличаться от власти первых князей» и в основном «стала соответствовать по своему объему и функциям власти раннефеодальных монархов». При этом трактовку ряда Ярослава он оставил без изменений [17. С. 227–233, 327–330].

Ученик Б.Д. Грекова В.В. Мавродин, обратившийся к вопросу о разделе 1054 г. при изучении социально-политического развития Северской земли в «Очерках истории Левобережной Украины» (1940), датировал процесс феодализации, выразившийся в формировании крупного вотчинного землевладения, IX–X вв., что позволило ему говорить о «быстром росте феодального землевладения в XI в., развитии и укреплении феодальных отношений», которые «подтачивали империю Рюриковичей» — Киевское государство и способствовали ее дроблению», так что «после смерти Ярослава начинается период феодальной раздробленности, «когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств» [18. С. 193]. Последняя цитата, отсылающая к «Замечаниям на конспект учебника по истории СССР», — пример того, как «тезисы от идеологии» подкреплялись «фактами от источника» [19. С. 321–322].

Вопрос о значении завещания Ярослава В.В. Мавродин затронул и в монографии «Образование древнерусского государства» (1945), сохранив концептуальную интерпретацию раздела 1054 г. как следствия феодализации местного боярства, поддерживавшего в своих интересах центробежные тенденции в отдельных областях Руси, которые, вслед за В.И. Лениным и И.В. Сталиным, определял и как «национальные окраины» и как «феодальные полугосударства», заменив термин «империя Рюриковичей» альтернативными терминами К. Маркса — «Готическая Русь» и «Готическая Россия» [20. С. 377–379]. В работах конца 1940 — начала 1950-х годов историк еще придерживался мнения о том, что с середины XI в. начался период феодальной раздробленности [21. С. 91]. Распад «империи Рюриковичей» после смерти Ярослава он трактовал как укрепление феодализма и превращение областей в самостоятельные «полугосударства-княжества» [22. С. 18], при этом пользовался марксистской характеристикой Киевской Руси как «варварского» государства и мнением Маркса о том, что «Ярослав знаменует закат Готической России» [23. С. 14, 19]. Однако позже позиция Мавродина изменилась. Это могло быть связано с пересмотром датировок феодальной раздробленности, начавшимся после дискуссии 1949–1951 гг. о периодизации истории СССР на страницах журнала «Вопросы истории», прошедшей на фоне кампании по борьбе с «космополитизмом».

Ученик С.В. Бахрушина К.В. Базилевич, открывший дискуссию статьей «Опыт периодизации истории СССР феодального периода» (1949), основываясь на суждениях В.И. Ленина о «крепостничестве», интерпретируемом как «внеэкономическое принуждение» крестьянства в хронологическом диапазоне с IX

по XIX вв., высказал сомнение в том, что Киевское государство IX—X вв. можно отнести к дофеодальному периоду (на основании того, что феодальные производственные отношения не получили в нем значения господствующей системы), к первобытно-общинному или рабовладельческому строю, и пришел к выводу, что «время Киевского государства» это «время генезиса феодальных отношений». Киевское государство с конца IX до середины XI в. К.В. Базилевич считал единым, но не обладавшим признаками централизованного государства (центральными органами управления, общим законодательством, единой организацией вооруженных сил и т.д.), отмечая, что «смерть Ярослава Владимировича в 1054 г., конечно,— только случайная дата, которая сама по себе не может служить основанием для проведения хронологического рубежа между “варварским” Киевским государством и периодом феодальной раздробленности», как «не является основанием для этой периодизации и “ряд” Ярослава, разделившего земли между своими сыновьями», поскольку «мы начинаем новый исторический период именно с этого времени (середина XI в.), потому что в источниках второй половины XI — начала XII в. ясно выступают глубокие изменения в социально-экономических отношениях и политическом строе Руси», среди которых исследователь отметил развитие крупного землевладения, законодательство, обеспечивающее господство феодальных производственных отношений, политическое обособление земель и усиление классовой борьбы [24. С. 70—71].

С.В. Юшков в статье «К вопросу о политических формах русского государства до XIX века» (1950) подверг аргументы К.В. Базилевича критике, обвинив его в попытке реставрации взглядов, высказанных С.В. Бахрушиным в статье «Держава Рюриковичей». В то же время, он высказался против того, чтобы признавать Киевское государство феодальным на основании представления о политической раздробленности, наступившей после смерти Ярослава в 1054 г. Становление раннефеодальной монархии, пришедшей на смену “варварскому” государству IX—X вв. после того как «феодальный уклад превратился в господствующий способ производства, а класс феодалов захватил в свои руки политический аппарат», он приурочил к княжению Владимира и Ярослава, охарактеризованных в качестве «представителей феодальных групп», при которых Киевское государство «уже стало представлять собой совокупность сеньорий, связанных отношениями сюзеренитета—вассалитета, хотя и переплетавшегося с семейными отношениями». По мнению исследователя, «началом русского феодального государства являлся не “ряд Ярославов” и последующий раздел русского государства между его детьми, а та ломка в экономических и социально-политических отношениях, которая произошла в первой половине XI века» [25. С. 74—76, 78, 80].

Помимо расхождений в периодизации генезиса феодализма между Базилевым и Юшковым есть и терминологические расхождения. Базилевич привел термины Маркса «лоскутная империя» и «империя Рюриковичей» как определения нецентрализованного государства [24. С. 71]. Юшков, проводя аналогии между Киевским государством и империей Карла Великого, предпочел говорить о «феодальной империи» [25. С. 79]. В этом отношении следует обратить внимание и на труд А.Н. Насонова «“Русская земля” и образование территории древнерусского государства» (1951), где он высказал предположение о существовании в Среднем Поднепровье «Русской земли», предшествовавшей «образованию “империи” Олега и Игоря или Киевского государства», являвшейся ее «политическим и территориальным ядром» в X — первой половине XI в. После того как Ярослав I решил разделить его между своими сыновьями, были созданы предпосылки для образования феодальных

княжеств-«полугосударств» в Киевской, Черниговской и Переяславской земле. Эти клише показывают, что историк синтезировал терминологические новации Маркса и Сталина, а интерпретация раздела 1054 г. как раздела исторического ядра «Русской земли» позволила ему придать новую трактовку гипотезе Преснякова о «триумvirате Ярославичей» [26. С. 9, 27, 30–31]. Эта концепция получила развитие в работах ряда исследователей, начиная с В.Т. Пашуто, который интерпретировал раздел «Русской земли» в 1054 г. как раздел княжеского домена [27. С. 74].

Вскоре после завершения дискуссии 1949–1951 гг., ключевым результатом которой стало удревнение генезиса феодализма и формирования Древнерусского государства, Л.В. Черепнин выступил против «чисто внешних аналогий истории Руси и истории государства Карла Великого», мотивируя свою позицию тем, что в статье «Марксизм и вопросы языкознания» (1950) Сталин отнес государство Каролингов к империям, «которые не имели своей экономической базы и представляли временные и непрочные военно-административные объединения, включавшие в себя «конгломерат племен и народностей, живших своей жизнью и имевших свои языки», в то время как древнерусская народность отличалась относительным единством языка, территории, культуры [28. С. 51]. Черепнин считал, что в IX в. на Руси образовалось раннефеодальное «относительно единое» государство, в котором в процессе феодализации устанавливалась верховная собственность на землю киевских князей [28. С. 47–48].

Видимо, влиянием этой тенденции можно объяснить тот факт, что В.В. Мавродин во второй половине 1950-х годов, с одной стороны, повторил прежние высказывания о разделе 1054 г., удалив определения 1940-х годов, а с другой — охарактеризовал Древнерусское государство IX–X вв. как раннефеодальное. Он писал, что после смерти Ярослава «сохранялось еще известное единство внутренней политической государственной жизни Руси в виде так называемого триумvirата Ярославичей, участники которого «являются не столько государями в независимых княжествах, сколько совладельцами», поскольку территориальные единицы, положившие начало крупным княжествам, «еще не представляли собой самостоятельных феодальных государств», а принцип «феодального расчленения земли Русской», восторжествовавший над «старым принципом “одиначества”», был признан на Любечском съезде князей в 1097 г. [29. С. 122–123, 174–175, 206–207, 217].

Еще более сложная эволюция мнений прослеживается в работах Б.А. Рыбакова, который, вернувшись к сопоставлению Киевской Руси с «империей Рюриковичей», отнес формирование раннефеодальной монархии с центром в Киеве к рубежу VIII–IX вв. [30. С. 34–35], отметив, что после смерти Ярослава в 1054 г. «формально единая Киевская Русь распалась на части, и примерно на сорок лет наступил новый, довольно бурный период, закончившийся в 1090-х годах возрождением феодальной монархии, но в иных условиях и с иным содержанием» [30. С. 42]. Это мнение было воспроизведено в других работах (ср. [31. С. 83; 32. С. 522]) и получило поддержку исследователей [33. С. 44]. Позже точка зрения Рыбакова была сведена к тому, что раздел 1054 г. не являлся распадом Древнерусского государства, сохранявшего единство до оформления во второй трети XII в. независимых княжеств, аналогичных западноевропейским королевствам, которое он считал началом феодальной раздробленности [34. С. 469, 470].

Эту трансформацию можно расценить как дань тенденции, к тому времени отразившейся и в трудах других историков. Так, в середине 1960-х годов Л.В. Черепнин писал о ряде Ярослава как о разделе Древнерусского государства на пять частей (по числу сыновей) под руководством («старейшинством»)

великого князя киевского. После смерти двух младших братьев власть сосредоточили Изяслав, Святослав и Всеволод, между которыми сохранялись вассально-иерархические отношения, так как «социально-экономические условия для установления феодальной раздробленности как политической системы полностью еще не созрели и относительное единство государства сохранялось».

Как подчеркнул исследователь, «трудно сказать, что имеется ввиду: устное наставление или письменное завещание. Если принять во внимание практику князей последующего времени, от которых дошли предсмертные духовные грамоты, то правомерно будет допустить, что и Ярослав, созвав своих сыновей, официально оформил в их присутствии духовное завещание. Содержание «ряда» Ярослава, как его передает летописец, весьма напоминает тексты позднейших княжеских завещательных грамот. Весьма возможно (так обычно бывало в более поздние века, от которых сохранилось больше письменных источников), что на основе «ряда» Ярослава его сыновья заключили между собой соответствующее «докончание».

Передавая содержание распоряжения Ярослава, летописец нарисовал образ заботливого отца, стремящегося добиться, чтобы после его смерти сыновья сохранили между собой братскую дружбу и любовь. Но в действительности речь шла не просто о родственном союзе, который должен существовать на началах мира и избегать вражды. Это не моральное поучение главы семейства, а политическое завещание главы государства. Оно определило форму государственного строя, при которой, как уже говорилось, верховная власть принадлежит группе князей родственников, связанными между собой вассально-иерархическими отношениями.

Каждый из них — государь в пределах отведенной ему территории, но он не должен переступать пределов своих владений, вторгаться на территорию другого князя, посягать на принадлежащую тому власть. «И тако (Ярослав) раздели им (сыновьям) грады, заповедав им не преступати предела братьня, ни сгонити».

Князьям вменялось в обязанность поддерживать союз («имейте в собе любовь», «будете мирно живуще»), основой этого союза должны были служить начала сюзеренитета — вассалитета. Старший сын Ярослава, которому он завещал киевский стол, после смерти отца должен стать для братьев «старейшим» не только по счету родства, но и занимаемому на лестнице феодальной иерархии месту, дающему ему право требовать повиновения от других князей («сего послушайте, яко же послушаете мене»).

Подобная система, по мысли «ряда» Ярослава, явится гарантией внутренней целостности государства и его способности к активным внешнеполитическим действиям. В то же время междукняжеские распри могут привести страну к политическому распаду и тем самым будет разрушено то, что достигнуто политикой предшествующих князей в укреплении древнерусской государственности [35. С. 169—173].

В первой половине 1970-х годов Л.В. Черепнин высказался в пользу того, что «со времени княжения Владимира имеются все основания говорить о раннефеодальной монархии на Руси», в то время как «для времен Ярослава летописец формулирует уже идею наследственной монархии: “Ярослав же седе Кыеве на столе отни и дедни”. Однако при этом монархе-“самовластце” намечаются и центробежные тенденции, направленные к раздроблению достигшего относительного единства государства. Основой междукняжеских отношений после смерти Ярослава (1054) явился завещательный “ряд” своим сыновьям.

По видимому, эта была письменная духовная грамота типа завещания Ивана Калиты и других московских князей» [36. С. 359–360; 37. С. 25].

О.М. Рапов считал, что «Ярослав Мудрый вовсе не помышлял о каком-либо разделе территории государства в духе короля Лира», так как предполагалось, что старший из оставшихся его сыновей Изяслав Ярославич «будет также как сам Ярослав Мудрый в последние 18 лет своего царствования на Руси, самовластцем в Киевской державе» или «верховным собственником» русских земель, возвышавшимся над своими братьями — условными держателями владений, которые они стремились превратить в «феодальные полугосударства» [38. С. 51].

К сходным выводам пришел П.П. Толочко, считавший, что причиной распада раннефеодального государства Киевская Русь, образовавшегося на территории «Русской земли» во второй половине IX в., стало не неудачное распоряжение Ярослава, а усиление центробежных тенденций областной феодальной аристократии, хотя в период действия «триумвирата» Ярославичей они ощущались не слишком сильно и не нарушали государственной целостности [39. С. 244, 246]. Позднее автор уточнил, что «князья не были равноправными и независимыми владетелями отдельных «государств» или «полугосударств», как это иногда утверждается», а «призывая сыновей жить в мире, Ярослав подчеркивал, что старшим из них оставался киевский князь Изяслав» [40. С. 85–86]. В то же время, ученый отметил, что великий князь киевский «выступал не столько феодальным собственником земель, издавна тяготевших к Киеву, сколько временным их держателем», поскольку Киевская земля рассматривалась как «общеродовое владение всех русских князей» [40. С. 84]. Последний тезис являлся данью еще одной новации феодальной парадигмы — теории «коллективного сюзеренитета» князей (ср. [27. С. 73–76; 36. С. 365; 37. С. 29]).

Подводя итог, следует отметить, что во второй половине 1930-х годов исследователи, следуя за концепцией «готической империи Рюриковичей», пытались конкретизировать и разнообразить ее в рамках формирующегося советского исторического лексикона. В конце 1940-х — начале 1950-х годов им пришлось отказаться от экзотических характеристик К. Маркса под влиянием обстоятельств идеологического характера. В результате дискуссии 1949–1951 гг. изменилась периодизация генезиса феодализма в древнерусском государстве, которое с тех пор рассматривалось как раннефеодальная монархия, образовавшаяся во второй половине IX в. Из-за объективизации факторов исторического процесса наступление феодальной раздробленности стало связываться не с «рядом» Ярослава I, а с развитием феодальных социально-экономических отношений, вследствие чего распад раннефеодальной монархии датировался не серединой XI столетия, а концом XI — началом второй трети XII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4.
2. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990.
3. Свердлов М.Б. Общественный строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996.
4. Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1920–1950-е гг.). Брянск, 2005.
5. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь. Князь и княжеская власть на Руси в VI – первой трети XIII в. СПб., 2003.
6. Котышев Д.М. «Ряд» Ярослава 1054 г.: историографические и исторические проблемы // Историк и его дело: Судьбы ученых и научных школ. Сборник статей Международной

научно-практической конференции к 90-летию со дня рождения профессора В.Е. Майера. Ижевск, 2008.

7. *Фроянов И.Я.* Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб., 2015.
8. *Греков Б.Д.* Феодалные отношения в Киевском государстве. 2-е изд. М.; Л., 1937.
9. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. 1-е изд., М., 1939.
10. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. 4-е изд. М., 1953.
11. *Тихомиров М.Н.* [Рец. на кн.] Греков Б.Д. Киевская Русь. Издание третье, переработанное и дополненное // Историк-марксист. 1940. № 2.
12. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. 2-е изд. М.; Л., 1944.
13. *Бахрушин С.В.* К вопросу о русском феодализме [Рец. на кн.]: Греков Б.Д. Феодалные отношения в Киевском государстве. М.; Л., 1936 // Книга и пролетарская революция. 1936. № 4.
14. *Бахрушин С.В.* Держава Рюриковичей // Вестник древней истории. 1938. № 2.
15. *Юшков С.В.* Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939.
16. *Юшков С.В.* К вопросу о дофеодалном («варварском») государстве // Вопросы истории. 1946. № 7.
17. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949.
18. *Мавродин В.В.* Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до середины XIV века). 2-е изд. СПб., 2002.
19. *Каравашкин А.В., Юрганов А.Л.* Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003.
20. *Мавродин В.В.* Образование древнерусского государства. Л., 1945.
21. *Мавродин В.В.* Начало мореходства на Руси. Л., 1949.
22. *Мавродин В.В.* Очерк истории Древней Руси до монгольского завоевания // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. М.; Л., 1948. Т. 1. Материальная культура.
23. *Мавродин В.В.* Социально-политический строй // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. М.; Л., 1951. Т. 2. Общественный строй и духовная культура.
24. *Базилевич К.В.* Опыт периодизации истории СССР феодального периода // Вопросы истории. 1949. № 11.
25. *Юшков С.В.* К вопросу о политических формах русского государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1.
26. *Насонов А.Н.* «Русская земля» и формирование территории древнерусского государства. Монголы и Русь. 2-е изд. СПб., 2006.
27. *Пашуто В.Т.* Черты политического строя Древней Руси // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
28. *Черепнин Л.В.* Основные этапы развития феодальной собственности на Руси (до XVII века) // Вопросы истории. 1953. № 4.
29. *Мавродин В.В.* Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956.
30. *Рыбаков Б.А.* Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII века // Вопросы истории. 1962. № 4.
31. *Рыбаков Б.А.* Первые века русской истории. М., 1964.
32. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь // История СССР с древнейших времен до Великой октябрьской социалистической революции. М., 1966. Сер. 1. Т. 1.
33. *Янин В.Л., Алешковский М.Х.* Происхождение Новгорода (К постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2.
34. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
35. *Черепнин Л.В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда // *Новосельцев А.П., Пашуто В.Т., Черепнин Л.В., Шушарин В.П., Щапов Я.Н.* Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
36. *Черепнин Л.В.* К вопросу о характере и форме древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. М., 1972. Т. 89.
37. *Черепнин Л.В.* Пути и формы политического развития русских земель XII – начала XIII вв. // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII–XIV вв. М., 1974.
38. *Рапов О.М.* Княжеские владения на Руси в X – первой половине XIII в. М., 1977.
39. *Толочко П.П.* Древний Киев. Киев, 1983.
40. *Толочко П.П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев, 1987.